

WOLFGANG WILL. *Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held.* Bonn – Habelt, 2003 (Antiquitas. Reihe I: Abhandlungen zur alten Geschichte. Band 51). XI, 410 S.

В антиковедении иногда бывает, что на стыке двух тем, изученных, можно сказать, до степени *pes plus ultra*, почти «заезженных», выявляется некое «белое пятно», сюжет, привлекавший внимание ученых в значительно меньшей степени, чем он того заслуживает, и соответственно остающийся несколько в тени, тающий немало неясностей. Именно так обстоит дело в данном случае. Перикл – один из излюбленных персонажей науки об античности. Невозможно назвать другого политического деятеля классической Греции, которому было бы посвящено – не говорим уже такое же, но хотя бы отдаленно сопоставимое количество исследовательских и популярных работ. Если бы мы поставили перед собой задачу дать даже только выборочную библиографию, она одна заняла бы многие страницы убористого шрифта: десятки монографий, сотни, а то и тысячи статей... Творчество великого историка Фукидида тоже многократно, в самых различных ракурсах освещалось в историографии¹. При этом, думается, каждый согласится с тем, что Перикл – один из главных действующих лиц «Истории» Фукидида, а Фукидид, со своей стороны, – один из ценнейших источников по жизни и деятельности Перикла.

И несмотря на все сказанное, вплоть до совсем недавнего времени мы не располагали монографическим исследованием, предметом которого был бы именно фукидидовский образ Перикла². А между тем уже становилось предметом тщательного изучения отражение фигуры этого политика в других важнейших нарративных памятниках: в произведениях комедиографов³, у Аристотеля⁴, Плутарха⁵. Чем дальше, тем больше становился насущно необходимым аналогичный источниковедческий разбор свидетельств о Перикле, сохранных его современником, мыслителем, историком и полководцем – Фукидидом. И вот, наконец, перед нами книга, озаглавленная «Фукидид и Перикл: историк и его герой».

Автор рецензируемой работы – немецкий антиковед Вольфганг Вилль – известен у нас прежде всего как автор монографии о взаимоотношениях Александра Македонского с Афинами⁶. Занимался он и проблемами римской истории. А ныне в фундаментальном, весьма объемистом исследовании он попытался рассмотреть основные аспекты вопроса об отношении Фукидида к Периклу и импликация этого вопроса для дальнейшей эволюции античных и современных представлений об «античном олимпийце».

Перед тем как перейти к характеристике и оценке главных тезисов, высказываемых в книге, представляется необходимым сделать несколько предварительных замечаний. Оговорим сразу, что рецензировать монографию В. Вилля, да и просто работать с ней было непростой задачей.

¹ Правда, сказанное относится исключительно к историографии зарубежной. С грустью приходится констатировать, что в отечественном антиковедении по сей день нет ни одной книги, специально посвященной Фукидиду, и это чрезвычайно серьезная, даже прискорбная лакуна. Если на данном этапе мы пока не готовы создать оригинальный труд о крупнейшем представителе греческого историописания, то, может быть, стоит хотя бы перевести что-нибудь из западной литературы (например, обладающую рядом бесспорных достоинств книгу: Connor W.R. *Thucydides*. Princeton, 1984)?

² Разумеется, отдельные «перикловские» пассажи Фукидида анализировались (в статьях) чрезвычайно скрупулезно. Речь прежде всего идет, конечно, о знаменитой «Надгробной речи» (*Thuc.* II. 35–46), о которой пишут с завидным постоянством, пожалуй, даже чрезмерно много (укажем, чисто *exempli gratia*, лишь несколько работ самого последнего времени: Bosworth A.B. *The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration* // *JHS*. 2000. 120. P. 1–16; Balot R. *Pericles' Anatomy of Democratic Courage* // *AJPh*. 2001. 122. P. 505–525; Winton R. *Thucydides 2, 37, 1: Pericles on Athenian Democracy* // *RhM*. 2004. 147. 1. S. 26–34).

³ Schwarze J. *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung*. München, 1971.

⁴ Schreiner J.H. *Aristotle and Perikles: A Study in Historiography*. Oslo, 1968.

⁵ Meinhardt E. *Perikles bei Plutarch*. Frankfurt a. M., 1957; Stadter Ph. *A Commentary on Plutarch's Perikles*. Chapel Hill, 1989.

⁶ Will W. *Athen and Alexander. Untersuchungen zur Geschichte der Stadt von 338–332 v. Chr.* München, 1983. К оценке этой работы см. Маринович Л.П. *Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса)*. М., 1993. С. 58–59.

Автор, к сожалению, не счел нужным облегчить труд читателя логичным и понятным расположением материала. Структура книги довольно своеобразна. Она состоит из двух очень больших глав, которые называются просто «Фукидид» (с. 1–241) и «Перикл» (с. 243–318). Главы в свою очередь делятся на разделы, пункты, подпункты. Далее следует обширное приложение «Фукидидовский вопрос» (с. 319–367); исследование завершается списком цитированной литературы (с. 368–386)⁷ и указателями (с. 389–409).

В монографии отсутствует введение, в котором в сколько-нибудь внятной и детализированной форме был бы обозначен предмет исследования, объяснена суть интересующей автора проблематики, акцентированы стоящие перед ним цели и задачи, намечены наиболее перспективные пути их решения. В коротеньком предисловии (с. V–VII) встречаем в основном фразы общего характера: «Путь к Периклу лежит через Фукидида», «Фукидид может быть объяснен только на основании самого Фукидида» и т.п. Равным образом не находим мы и общего заключения к книге, в котором были бы обобщены и систематизированы полученные в ходе исследования результаты. Все это придает работе определенную «эссенциальность» (хотя по своему жанру она, бесспорно, представляет собой сугубо научное, местами весьма сухое изложение), а выводы, не будучи четко сформулированы, оказываются какими-то не слишком обязательными.

Поскольку В. Вилль не очертил с самого начала свои концептуальные и методологические принципы, читателю остается только недоумевать, почему в монографии, которая называется «Фукидид и Перикл», речь собственно о Перикле впервые заходит едва ли не во второй половине текста (начиная со с. 159), а до этого автор говорит о совсем других, весьма разнообразных вещах, имеющих к Периклу лишь отдаленное отношение. В целом создается впечатление, что книга представляет собой в известной степени механическое соединение нескольких отдельных работ, изначально почти не связанных или во всяком случае мало связанных друг с другом по тематике. В основной части книги можно насчитать как минимум четыре таких работы-очерка, содержание которых мы обозначили бы так: «Фукидид о Спарте и спартанцах», «Афинские политики эпохи Пелопоннесской войны (Клеон, Никий, Алкивиад) в труде Фукидида», «Фукидид и Перикл», «Образ Перикла в античной и современной историографии после Фукидида». В принципе в этом очерковом характере изложения нет ничего предосудительного; монография, составленная из статей, — вполне достойный, широко распространенный жанр. Однако олять же В. Виллю, очевидно, следовало бы во избежание недоумений эксплицитно оговорить данную особенность.

Достаточно разнородна рецензируемая книга и в стилистическом отношении. Местами она написана живо и даже ярко (это в особенной степени касается тех глав, где «появляется» Перикл). В других частях автор, как нам показалось, несколько злоупотребляет ненужными длиннотами, по несколько раз возвращается, повторяясь, к одним и тем же вопросам, нередко отклоняется слишком далеко от основной тематики работы, совершая чрезмерно подробные отступления в область довольно-таки частных нюансов. Думается, что монография могла бы быть значительно короче без всякого ущерба для содержания. В данном отношении, кстати, резкий контраст ей представляет вышедшая несколькими годами раньше небольшая книга того же В. Вилля «Перикл»⁸, которая читается буквально на одном дыхании. Между прочим, основные положения этой книги практически в полном составе воспроизведены и в рассматриваемом здесь труде.

Мы не ставим перед собой задачу дать полный, детальный пересказ содержания монографии «Фукидид и Перикл», да это и не позволили бы сделать ограниченные рамки рецензии. Мы попытаемся, так сказать, своими словами кратко передать концепцию автора, сделать ее понятной для читателя, оттеняя ее самые характерные компоненты. При этом вряд ли имеет смысл автоматически воспроизводить ту довольно прихотливую последовательность изложения, которая принята в книге. Резоннее будет расставить все на свои места исходя из соображений общей научной логики.

В. Вилль отмечает, что к историческому сочинению Фукидида необходимо подходить как к памятнику конкретной эпохи, воспринимая его в должном контексте. В частности, ту форму, которую он имеет в дошедших до нас рукописях, этот труд принял вскоре после окончания Пелопон-

⁷ Этот список (как и аппарат примечаний) демонстрирует прекрасное знание автором литературы как о Перикле, так и о Фукидиде. Правда, нам показалось, что список не очень удачно структурирован. Он построен не по алфавитному, а по тематическому принципу, разбит на три раздела («Фукидид», «Перикл», «Общие труды и работы по отдельным вопросам»). А поскольку ссылки на литературу в примечаниях даны по типу «Bengtson, Konzeptionen», читателю приходится немало потрудиться, выискивая по всем разделам, скажем, указанную работу Г. Бенгтсона «Zu den strategischen Konzeptionen des Alkibiades». Это неудобно, затрудняет использование списка.

⁸ Will W. Perikles. Reinbek bei Hamburg, 1995.

несской войны. Соответственно потенциальной аудиторией «Истории» оказывалось «потерянное поколение» – афиняне, только что пережившие страшное поражение. И те ключевые вопросы, которые вставляли перед Фукидидом и в первую очередь волновали его читателей, могут быть сформулированы следующим образом: кто виноват в развязывании войны? И был ли возможен ее благоприятный для Афин исход?

На первый из этих вопросов историк однозначно отвечает: война была вызвана объективными причинами и потому неизбежна, предотвратить ее не представлялось никакой возможности. Следовательно, искать «виновников» бессмысленно, во всяком случае на афинской стороне. Последовательно проводя этот тезис, Фукидид в противоположность всей остальной античной нарративной традиции тщательно затушевывает один из важнейших инцидентов, давших начало вооруженному конфликту, а именно «мегарскую псефисму» Перикла. В действительности войну можно было предотвратить, если бы афиняне в вопросе о санкциях против Мегар пошли на некоторые уступки, чего не было сделано⁹. Что же касается второго вопроса – могли ли Афины победить? – то, в сущности, развернутым ответом на него стал именно портрет Перикла, нарисованный в «Истории».

В. Вилль выступает как решительный противник школы «унитариев» в изучении Фукидида, исходящей из предпосылки о концептуальном и композиционном единстве его труда. По мнению исследователя, это произведение в том виде, в каком мы его имеем, представляет собой смесь «напластований» самого разного времени. Фукидид начал свою работу над ним уже на первом этапе Пелопоннесской войны (какие-то фрагменты, возможно, относятся даже к довоенному периоду), затем продолжал эту работу на всем протяжении афино-спартанского столкновения, а оборвалась она (именно оборвалась, а не окончилась, поскольку «История» осталась незавершенной), как было сказано, уже после 404 г. до н.э. По ходу развития событий (а они развивались действительно бурно и подчас непредсказуемо) взгляды историка неоднократно и существенно изменялись. Соответственно он вновь и вновь возвращался к уже написанным частям, переделывал их, делал вставки, что-то, наоборот, вычеркивал... В каких-то случаях он запланировал, но не успел внести правку; результат – имеющиеся в тексте противоречия. При этом компоненты, более ранние и более поздние по времени написания, по большей части не коррелируют с хронологическим порядком изложения (т.е. неверным было бы считать, что, скажем, пятая книга составлена раньше седьмой и т.п.). Самым последним, итоговым штрихом сочинения Фукидида В. Вилль считает 65-ю главу II книги – знаменитый панегирик Периклу. Кстати, это уже само по себе несколько удивляет: если Фукидид придавал этому пассажу такое ключевое, «финальное» значение, как кажется В. Виллю, почему же он упрятал его куда-то в середину «Истории», вместо того чтобы продекларировать содержащиеся в нем положения на более заметном для читателей месте?

Подчеркнем: ни в коей мере не подлежит сомнению тот факт, что труд Фукидида – сложный, комплексный нарративный памятник, создававшийся на протяжении целого ряда лет, и это не могло не отразиться на тексте. Нам не вполне понятна только категорическая уверенность автора рецензируемой монографии в том, что он может точно распознать, в какой конкретной последовательности были написаны различные части этого труда. Данный тезис имеет принципиальное значение для всей книги: опираясь на него, В. Вилль пытается реконструировать эволюцию воззрений Фукидида на те или иные предметы и события. А между тем все построения подобного рода весьма уязвимы, поскольку базируются на субъективных, априорных посылках.

В процессе работы над «Историей», по мнению немецкого антиковеда, изменялось отношение Фукидида к Спарте. В тех книгах и главах, которые приобрели свою окончательную форму еще во время военных действий, это отношение нельзя назвать однозначно отрицательным. Фукидид рисует ряд положительных образов спартанцев: среди них – дальновидный и рассудительный Архидам, способный полководец Гилипп, но в первую очередь, конечно, Брасид, который предстает в труде историка настоящим элическим героем, практически чуждым недостатков¹⁰. В дальнейшем, уже после окончания войны и установления жесткой спартанской гегемонии в Элладе, историк существенно усилил негативную составляющую своих «лакедемонских» пассажей, в частно-

⁹ Несколько ранее, занимаясь той же проблематикой, к абсолютно аналогичному выводу пришел Э. Бадян (*Badian E. From Plataea to Potidaea. Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 125.*)

¹⁰ Нам представляется, что на отношение Фукидида к Брасиду немалое влияние оказал личный фактор. Ведь во время единственного военного опыта будущего историка (командование эскадрой в качестве стратега в 424 г. до н.э.) не кто иной, как Брасид, перенял его, заняв Амфиполь, и это событие имело фатальные последствия для всей последующей судьбы Фукидида. Поднимая Брасида на недосягаемую высоту, Фукидид, помимо прочего, косвенно оправдывал тем самым и себя: великому человеку и уступить не зазорно.

сти ввел ряд откровенно критических высказываний о Спарте и ее политике: в речи коринфских послов на конгрессе в Спарте (I. 68–71), в надгробной речи Перикла (II. 35–46), где добродетели афинян прославляются именно по контрасту с недостатками лакедемонян, в «меллийском диалоге» (V. 85–111) и др. Тогда же в повествование был включен экскурс о расправе над платейским победителем Павсанием (I. 128–134), отнюдь не красивой спартанские власти. Как считает В. Вилля, на этом – послевоенном этапе работы – перед мысленным взором Фукидида неотступно стоял образ человека, который по соображениям хронологии не мог открыто появиться в тексте, – мрачный образ Лисандра и учрежденных им в Греции порядков. Именно «под знаком Лисандра» следует понимать многое в «Истории», в том числе такую характеристику спартанцев: «Среди всех известных нам людей они с наибольшей откровенностью отождествляют приятное для них – с честным, а выгодное – со справедливым» (Thuc. V. 105. 4).

Другой пример изменения взглядов историка – эволюция его отношения к Алкивиаду¹¹. Книги VI и VII, рассказывающие о сицилийской экспедиции афинян и написанные вскоре после ее провала, демонстрируют скорее настороженность по адресу этого политика и полководца; Фукидид пока отнюдь не склонен преувеличивать его стратегических талантов, скорее наоборот. Но затем, после череды победных кампаний Алкивиада в Эгее и его триумфального возвращения в Афины в 407 г. до н.э., в позиции автора «Истории» произошел перелом. Он, если так можно выразиться, поверил в Алкивиада и соответственно «задним числом» переписал многие места V книги, в которой речь идет о хронологическом отрезке между Никиевым миром и походом на Сицилию. В новом, отредактированном варианте текста Алкивиаду приписано гораздо большее значение и влияние на судьбы Афин, чем он реально имел в начале своей карьеры. Это достигнуто за счет затушевывания роли Никия в указанные годы и, самое главное, за счет полного игнорирования деятельности Гипербола. Последний, как известно, лишь один раз, мимоходом упоминается в труде Фукидида как «человек негодный» (VIII. 73. 3)¹². А между тем, судя по частоте упоминаний Гипербола в современных ему памятниках аттической комедии, он был одним из самых видных политических деятелей своей эпохи¹³. И в конце концов даже после изгнания из полиса он казался своим противникам настолько опасным, что они предпочли устранить его физически.

В то же время оценка некоторых других политиков периода Пелопоннесской войны остается у Фукидида постоянной и неизменной. Это в первую очередь можно сказать о Клеоне, который является для историка воплощением всех худших качеств демагога. Его портрет написан в однозначно черных тонах, без оттенков и нюансов. Клеону вообще отказано в каких бы то ни было заслугах и достоинствах, которые у него, бесспорно, были. Не будем забывать, что именно он успешно завершил операцию при Сфактерии. А Никий в этой ситуации проявил малодушие и отказался от командования, что не мешает Фукидиду характеризовать его поведение как верх благоразумия, а решительность Клеона – как безумный (*μολίβδης*) авантюризм¹⁴. Оттенить негативные качества Клеона автор «Истории» старается для того, чтобы лучше аргументировать один из своих основных тезисов: между Периклом и его преемниками в афинской общественной жизни пролегла непроходимая грань, первый все делал правильно, а из политиков последующих лет никто не стоял на высоте своего положения (Thuc. II. 65. 10–11). В действительности же у Перикла и Клеона, пожалуй, было больше общих, чем отличительных черт¹⁵.

А что же с образом самого Перикла у Фукидида? По мнению В. Вилля, он на протяжении ряда лет, в течение которых писалась «История», подвергался особенно серьезной переработке. Поэтому даже трудно составить четкое представление о том, как выглядел изначальный портрет Перикла, созданный Фукидидом на первом этапе своей творческой деятельности. Возможно, какие-то следы этого этапа можно нащупать в описании инцидента с «мегарской псефисмой». А в

¹¹ Об образе Алкивиада у Фукидида см. наиболее подробно: *Forde S. The Ambition to Rule: Alcibiades and the Politics of Imperialism in Thucydides*. Ithaca, 1989.

¹² См. *Карпук С.Г.* Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4. С. 142–156.

¹³ Здесь мы выходим на важнейшую проблему умолчаний у Фукидида, о ней см. *Herman G.* Nikias, Epimenides and the Question of Omissions in Thucydides // *CIQ*. 1989. 39. 1. P. 83–93; *Badian.* Op. cit. P. 27 f., 59; *Суриков И.Е.* Внешняя политика Афин в период Пентеконтаэтии // *Междоусударственные отношения и дипломатия в античности*. Ч. 2. Казань, 2002. С. 44.

¹⁴ Даже рассказывая о доставке Клеоном в Афины пленных спартиатов, историк не удерживается от замечания: «Обещание Клеона (сколько оно ни было безрассудно) действительно было выполнено» (Thuc. IV. 39. 3).

¹⁵ С этим суждением В. Вилля нельзя не согласиться. Сходство двух политиков особенно бросается в глаза, если взять правильный ракурс сравнения и сопоставить молодого Перикла, атакующего Кимона в 460-х годах до н.э., с молодым Клеоном, атакующим самого Перикла лет тридцать спустя. Ср. *Hornblower S. A Commentary on Thucydides*. Vol. 1. Oxf., 1992. P. 346.

дальнейшем изменения шли только в одном направлении, по пути последовательной идеализации Перикла.

Историк, давая урок своим современникам, поколению, проигравшему Пелопоннесскую войну, рисует обобщенный образ «поколения отцов», которое было во всех отношениях лучше (подход вполне типичный для консервативно-традиционалистского менталитета классической античности) и ни в коем случае не допустило бы поражения. На роль живого воплощения этого «поколения отцов» Перикл подходил намного лучше, чем кто-либо другой. Он умер почти в самом начале военных действий, и впоследствии ничто не мешало строить догадки о том, что, останься он в живых, афиняне вышли бы победителями из столкновения со спартамцами. Перикл так и остался в глазах Фукидида последним представителем мощи и величия Афин.

В. Вилль даже считает, что именно Перикл в действительности является главным героем «Истории». По его мнению, начиная с 65-й главы II книги описание всех последующих лет войны оказывается не более чем «подстрочным примечанием к изображению Перикла» (с. 186). Это представляется нам явным преувеличением, с которым крайне трудно согласиться.

Все остальные видные деятели Пелопоннесской войны, как стремится показать автор рецензируемой монографии, рассматриваются Фукидидом исключительно «в свете Перикла», в порядке сравнения с ним. Так, Клеон (вопреки исторической действительности) предстает как антипод Перикла в чистом виде. Сложнее с Никием и Алкивиадом: в деятельности обоих историк видит как заслуги, так и недостатки, причем противоположного характера. Если сложить достоинства Алкивиада (энергию, решительность, широкое стратегическое мышление) с достоинствами Никия (разумной осторожностью, склонностью к взвешенной, оборонительной политике), то из этой суммы получился бы, если так можно выразиться, «новый Перикл».

В результате Перикл у Фукидида становится некой идеальной моделью политика и полководца, «шаблоном» (с. 242), образом вообще без каких-либо недостатков. Он полностью освобожден от вины в развязывании афино-спартанского конфликта; его весьма спорная стратегия в первые годы Пелопоннесской войны представлена как единственно верная. Давая Периклу чрезвычайно высокую оценку, историк тем самым выносит по контрасту обвинительный вердикт его «политическим наследникам», которые привели афинский полис к катастрофе.

Итак, Фукидид стал основоположником великого мифа о Перикле – мифа, который лишь в малой степени соответствовал фактам. Не случайно автор «Истории» со своим однозначно позитивным отношением к Периклу остался в общем-то одинок в среде своих современников. У других писателей V в. до н.э., еще заставших «афинского олимпийца», он выступает в совершенно ином облике, несравненно менее привлекательном. Жесткий до беспощадности, прагматичный до цинизма государственный деятель, во внутренней политике не чуждый тираническим тенденциям, во внешней же не признающий ничего, кроме имперской мощи Афин, – таков Перикл у комедиографов, Иона Хиосского, Стесимброта. Суждение их всех о Перикле резко отрицательно.

В. Вилль отмечает, что и впоследствии точка зрения Фукидида на Перикла долгое время так и оставалась исключением. Авторы IV в. до н.э. не испытывали большого интереса к личности и деятельности Перикла. В частности, для Платона и Аристотеля он, в сущности, был лишь одним из многочисленных афинских демагогов, внесшим свой вклад в «разращение» демоса, закономерным звеном в процессе деградации афинской демократии¹⁶. Соответственно его оценивают ниже, чем его предшественников, но выше, чем позднейших политиков. Ситуация мало изменилась и в эллинистическую эпоху, на протяжении которой Перикла тоже еще не относили к «великим людям» прошлого. Характерно, например, что даже Корнелий Непот в своем сборнике жизнеописаний не считал нужным уделить ему место¹⁷.

На этом фоне появляется биография Перикла, составленная Плутархом. Последнего можно с полным основанием назвать «вторым отцом» мифа о Перикле, еще более усилившим идеализацию этого деятеля. Восторженно относясь к Фукидиду (см., например, *Plut. Nic. 1*), Плутарх всецело воспринял и его представления о Перикле. Во всех тех случаях, когда по тому или иному вопросу в историографии противостояли друг другу позитивный отзыв Фукидида и негативный от-

¹⁶ Действительно, не может не броситься в глаза, насколько малое, просто-таки ничтожное место занимает Перикл в истории Афин, как она изложена в «Афинской политике» Аристотеля. Автору этого трактата какой-нибудь Ферамен значительно более интересен, чем многолетний лидер полиса.

¹⁷ Однако Непот составлял жизнеописания выдающихся военачальников, а Перикла к таковым трудно причислить. За всю свою карьеру он практически никак не проявил сколько-нибудь неординарных полководческих способностей (не можем согласиться с высокой оценкой стратегических талантов Перикла, данной в работе: *Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. P. 72–85*).

звья какого-либо другого автора, биограф безоговорочно становится на сторону первого. Спорные и неоднозначные эпизоды трактуются только в пользу Перикла. Поэтому, кстати, Плутарх вынужден по большей части только и делать, что оправдывать своего героя, защищать его от обвинений, столь изобилующих в предшествующей традиции.

Что нового вносит Плутарх в формирование образа Перикла? Если историк Пелопоннесской войны концентрирует свое внимание на последнем периоде его деятельности (конец 430-х – начало 420-х годов до н.э.), то херонейский биограф проецирует фукидидовскую «идеальную модель» на всю карьеру Перикла, начиная с его молодости. В частности, у Плутарха впервые появляется чрезвычайно важный момент, полностью отсутствующий у Фукидида: Перикл не только как политик и полководец, но и как вдохновитель культурного расцвета классических Афин, инициатор строительной программы на акрополе, глава кружка ведущих интеллектуалов эпохи.

Все это, по мнению В. Вилля, не находит опоры в аутентичном источниковом материале и не соответствует действительности¹⁸. Однако именно данный аспект образа Перикла оказался особенно привлекательным, когда произошло «новое открытие» этого государственного деятеля, возобновление интереса к нему. Это случилось в XVIII в., когда и появилось выражение «Периклов век», античной нарративной традиции еще совершенно чуждое. Великая историческая эпоха требовала своего героя, который стал бы ее, так сказать, персональным воплощением; как казалось, «афинский олимпиец» более, чем кто-либо иной, удовлетворял этим требованиям.

В действительности Перикл был фигурой куда меньшего масштаба. Он никак не зарекомендовал себя в афинской политике вплоть до 451/450 г. до н.э.¹⁹, а в этом году добился популярности, предложив известный закон о гражданстве. Согласно закону, полноправными гражданами Афин могли быть только те лица, у которых и отец и мать принадлежали гражданскому коллективу. Этот закон, повятно, не может вызвать симпатии В. Вилля: он шел вразрез с панэллинской тенденцией, наметившейся во времена Греко-персидских войн, более того, он представлял собой шаг назад с точки зрения развития демократии. Таким образом, Перикл вовсе не был убежденным демократом, каким его часто считают.

По мнению исследователя, перед нами, в сущности, популистская мера, с помощью которой политик стремился расширить свою «клиентелу» внутри гражданского коллектива²⁰. И это ему удалось. Перикл стал одним из лидеров полиса, а некоторое время спустя безоговорочно вышел на первую позицию. Этого В. Вилль не может отрицать. Однако он подчеркивает, что не следует связывать все основные события истории Афин даже этого периода (440-е – 430-е годы) исключительно с именем Перикла. Последний не имел никаких конституционных механизмов, чтобы направлять пути государства по своему усмотрению.

Даже знаменитую строительную программу, которую традиционно считают одним из главных «дел Перикла» (τὰ Περικλέους ἔργα), нельзя приписывать всецело ему. Возможно, он был инициатором каких-то конкретных построек, входил в состав комиссий, руководивших их возведением, но не более того. Перестройка акрополя стала проявлением возросших гегемонистских претензий Афин и резко увеличившихся финансовых возможностей, а не гениального духа одного человека.

В. Вилль последовательно разоблачает различные мифы, окружающие личность Перикла. Временами это получается у него вполне удачно. Так, он аргументированно показывает, что Перикл, чья внешняя политика имела неоспоримые черты агрессивного империализма, никак не может считаться «миротворцем». Справедливости ради отметим, что таковым его ныне почти никто и не считает – разве что авторы наиболее панегирических биографий этого деятеля²¹.

¹⁸ Отметим, что и в целом в современной западной историографии все чаще проявляется скептицизм в отношении информации о кружке деятелей культуры, сплотившихся вокруг Перикла. См., например: *Stadter Ph. Pericles among the Intellectuals // Illinois Classical Studies*. 1991. 16. 1/2. P. 111–124.

¹⁹ Это один из самых слабых тезисов рецензируемой монографии. С очень большой степенью уверенности можно утверждать, что Перикл уже с конца 460-х годов до н.э. был в числе видных политиков. Несомненно, именно он стоял за серией важнейших демократических реформ, проведенных в Афинах на протяжении 450-х годов до н.э. после убийства Эфиальта и придавших демократии ее классическую форму. Об этих реформах см. *Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднearchаической и раннеклассической эпох*. М., 2000. С. 24 слл.

²⁰ Ср. иную интерпретацию закона о гражданстве: *он же*. Демократический полис и родовые аристократы: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 181 сл.

²¹ Таких, например, как книга: *Kagan D. Pericles of Athens and the Birth of Democracy*. N.Y., 1991.

Таким образом, один из главных итогов рецензируемого исследования – определенное «развенчание» Перикла. Последовательно проводится тезис, что его величие, собственно, было создано Фукидидом, который имел на то особые причины.

Как можно в целом оценить монографию В. Вилля? Такие «еретические» работы, бесспорно, нужны в историографии. Сама попытка посмотреть на, казалось бы, бесспорные вещи «другими глазами» способствует многомерности познания исторической действительности. От каких-то штампов и стереотипов, связанных с деятельностью Перикла, книга, безусловно, заставляет отказаться. Сказанное, однако, не отменяет того факта, что многие выкладки автора представляются абсолютно неприемлемыми. И не по каким-то субъективным, эмоциональным причинам, а потому что исследователю далеко не все выдвигаемые положения удалось в должной мере обосновать фактами. Подчас, как нам показалось, он склонен несколько безапелляционно подходить к серьезнейшим и сложнейшим проблемам, так сказать, рубить сплеча, в чем за ним вовсе не обязательно следовать. И пусть перед нами – «последнее слово» западной историографии о Фукидиде и Перикле, как афористично заметил однажды (конечно, совсем по другому поводу) патриарх нашего антиковедения С.И. Соболевский, «не всякое последнее слово бывает вернее предпоследнего»²².

Небесспорным представляется даже и тот, казалось бы, очевидный, лежащий на поверхности вывод, что Фукидид был горячим поклонником Перикла. Насколько искренней была эта симпатия и не пронизаны ли «перикловские» пассажи в «Истории» иронией? Как минимум, два обстоятельства, на наш взгляд, могут косвенно свидетельствовать об этом. Во-первых, Перикл говорит в «Надгробной речи»: «Та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу» (Thuc. I. 45. 2); но ведь тогдашняя супруга «афинского олимпийца» – Аспасия – всем своим образом жизни являла полное противоречие этому тезису. Во-вторых, в той же «Надгробной речи» Перикл восхваляет афинскую демократию как строй, при котором «городом управляет не горсть людей, а большинство народа» (Thuc. II. 37. 1), а несколько ниже (II. 65. 9) Фукидид замечает, что при Перикле в Афинах «по названию... было правление народа, а на деле власть первого гражданина».

Эти противоречия бросаются в глаза современному читателю и, следует полагать, точно так же были заметны читателям античным. Да и в целом странно было бы, если бы Фукидид, выходец из рода Филаидов и родственник Кимона, оказался вдруг в лагере своего потомственного противника. Он, как известно, не находился в числе убежденных сторонников радикально-демократической формы правления. Его идеалом являлась скорее умеренная олигархия, не случайно режим «Пяти тысяч», установленный в 411 г. до н.э., оценивается Фукидидом (VIII. 97. 2) исключительно высоко. Так всегда ли к оценкам, эксплицитно даваемым великим историком и мыслителем, следует подходить прямолинейно и однозначно? Нет ли за ними «второго плана», незаметного для нас? Эти вопросы еще ждут ответа.

И.Е. Суриков

© 2006 г.

SCHMAL S. Sallust. Hildesheim–Zürich–New York: Olms, 2001. 216 S.

«Когда современные читатели, не обладающие специальными антиковедческими познаниями, приступают к переводу какого-нибудь древнего историка, чтобы углубить свое классическое образование, им должно в известной мере повезти, чтобы встретить текст, чтение которого способно к тому же доставить удовольствие, без чего это занятие малоперспективно. Тот, кто хоть раз читал отрывки из Фукидида или «Анналов» Тацита, знает, о чем идет речь. Несомненной удачей было бы взяться за «Югуртинскую войну» и – в еще большей степени – за «Заговор Катилины», небольшие по объему и отличающиеся мастерским изображением людей и событий, обрисован-

²² Соболевский С.И. Транскрипция наименования Διογένης Λαέρτιος – Diogenes Laertius // ВДИ. 1948. № 2. С. 208.